Шаги / Steps. Т. 8. № 4. 2022
Статьи

М. В. Бабкова [ab]
OCRID: 0000-0002-9301-190X
✉ *maymayl@yandex.ru*
[a] *Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)*
[b] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*

Время действия рассказов в «Собрании стародавних повестей»

Аннотация. Статья представляет собой анализ сборника японских буддийских поучительных рассказов *сэцува* «Собрание стародавних повестей» («Кондзяку моногатари сю:», начало XII в.) с целью реконструировать представления составителей памятника о времени, их отношение к нескончаемому бегу времени и цепи событий, происходящих в мире. Все рассказы «Кондзяку» описывают события, которые произошли «давным-давно» и принадлежат истории, так что читатели смотрят на происходящее отстраненно, но внутри рассказов время то сжимается, то растягивается, создавая драматический эффект присутствия. На уровне сборника в целом и отдельных свитков рассказы «Кондзяку» выстроены в хронологическом порядке. Иногда дается историческая привязка, но при внимательном рассмотрении становится ясно, что сама по себе она не так важна. По наполненности событиями время действия рассказов может идти очень быстро, когда события следуют одно за другим практически без пауз. А может идти медленно, позволяя читателям и слушателям настроиться на созерцательный лад и бесстрастно взирать на происходящее. По временно́му охвату рассказы делятся на те, где речь идет об эпизоде в жизни главного героя, о его жизни целиком или о жизнях более чем одного поколения. Выделяются рассказы о «причинах и плодах», где рассказчик прямо акцентирует внимание читателей и слушателей на причинно-следственной связи между событиями. Одна из главных целей составителей — показать читателям непреложность этой связи и закона воздаяния. В статье показано, как время действия рассказов и трактовка времени вообще служат этой цели.

Ключевые слова: японская литература, поучительные рассказы *сэцува*, «Кондзяку моногатари-сю:», время действия

© М. В. БАБКОВА

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РНФ в Институте логики, когнитологии и развития личности в рамках проекта «Традиция и способы ее освоения в японской религиозно-философской мысли IX–XII вв.: по “Собранию стародавних повестей”» (проект № 22-28-01384).

Для цитирования: *Бабкова М. В.* Время действия рассказов в «Собрании стародавних повестей» // Шаги/Steps. Т. 8. № 4. 2022. С. 63–77. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-63-77.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2022 г.
Принято к печати 3 сентября 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 4. 2022
Articles

M. V. Babkova [ab]
OCRID: 0000-0002-9301-190X
✉ *maymayl@yandex.ru*
[a] *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*
[b] *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

Time setting of *Konjaku monogatari-shū* tales

Abstract. The article presents an analysis of the collection of Japanese Buddhist didactic tales (*setsuwa*) *Konjaku monogatari-shū* (early 12th century) in order to reconstruct the ideas of the compilers about time, their attitude to the endless flight of time and to the chain of events taking place in the world. All tales in *Konjaku* describe events that happened “a long time ago” and belong to history. So the readers look at what is happening with detachment, but within the stories time is either compressed or stretched out, creating a dramatic effect of presence. The tales in *Konjaku* are arranged in chronological order in the text as a whole and in its major parts. Sometimes some dates are given, but in and of itself this is not so important for the compilers. In some tales events follow each other very quickly, with no pauses. Or the action can go slowly, allowing readers to turn contemplative and to dispassionately follow what is taking place. The tales can also be divided into those that deal with a single episode in the life of the protagonist, those that describe his life as a whole, and those that tell of the lives of more than one generation of heroes. Stories about “causes and conse-

© M. V. BABKOVA

quences" stand out. The narrator there directly focuses the attention of readers on the causal relationship between events. One of the main goals of the compilers of *Konjaku* is to show the readers the immutability of this connection and of the law of retribution. The article shows how the time setting of the tales and the treatment of time overall serve this purpose.

Keywords: Japanese literature, *setsuwa* didactic tales, *Konjaku monogatari-shū*, time setting of *Konjaku monogatari-shū* tales, time setting of *setsuwa* tales

Acknowledgements. The paper is made in Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality within the project "Tradition and Methods of its Development in Japanese Religious and Philosophical Thought of the 9th–12th Centuries: According to the "Konjaku monogatari-shū"" (RSF, project № 22-28-01384).

To cite this article: Babkova, M. V. (2022). Time setting of *Konjaku monogatari-shū* tales. *Shagi / Steps, 8*(4), 63–77. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-63-77.

Received May 22, 2022
Accepted September 3, 2022

«Собрание стародавних повестей» («Кондзяку моногатари сю:», далее «Кондзяку», начало XII в.) — крупнейший сборник японских поучительных рассказов в жанре *сэцува*, составленный в Японии группой книжников. Подробнее об этом памятнике и его месте в японской словесности см.: [Трубникова, Коляда 2018]; русский перевод рассказов см. в [Кондзяку б. д.]. Ученые рассматривают в своих работах как памятник в целом, так и его разделы и входящие в него сюжеты (о степени изученности «Кондзяку» и основных направлениях его исследования см. [Трубникова, Бабкова 2018]). В настоящей работе предлагается новый взгляд на «Кондзяку» как на текст, по которому можно сделать выводы об отношении его составителей к бегу времени и нескончаемой череде событий в мире.

«В стародавние времена…» (*кондзяку* / *има ва мукаси*) — с этих слов начинаются все истории в сборнике. Само название памятника — «Собрание стародавних повестей» — дано ему как раз поэтому. Составители погружают читателей и слушателей в мир повествования, где пространство и время ведут себя совершенно иначе, нежели в привычной нам реальности.

Действие рассказов «Кондзяку» иногда охватывает очень длительные промежутки времени. Часто встречаются слова «(про)шли месяцы и годы». Сменяют друг друга правители, чиновники на местах службы, даже поколения людей, тем более меняются обстоятельства жизни героев. Иногда, напротив, все происходит настолько быстро, что в калейдоскопе событий сложно сориентироваться. И чем ярче непрочность, эфемерность нашего мира, тем отчетливее

на этом фоне можно показать неизменность Закона Будды, а значит, убедить читателей, что на него и только на него стоит опираться.

Раз нечто произошло «давным-давно», «в незапамятные времена», оно принадлежит истории. Прежде всего это означает, что мы смотрим на произошедшие события с большой дистанции. Кажется, тому есть по крайней мере две причины. Во-первых, японцам свойственно уважение к древности: раз что-то случилось так давно, значит, это освящено традицией. В рассказах жанра *сэцува* вообще часто описываются события, произошедшие в древности. Они трактуются как прецедент, который обосновывает что-то вневременное. А. Н. Мещеряков отмечал это в предисловии к раннему сборнику *сэцува* «Нихон рё:ики» («Японские легенды о чудесах», VIII в.), говоря о японской культуре в целом: «Доказательство от “прошлого” являлось на протяжении всей японской истории наиболее авторитетным инструментом аргументации» [Мещеряков 1995: 20]. Во-вторых, на мой взгляд, отнесение времени действия историй в далекое прошлое дает рассказчику некоторую свободу: рассказывать можно о чем угодно и о ком угодно, не боясь никого оскорбить, задеть чьи-то чувства или интересы. Основная авторская задача при таком выборе — сделать так, чтобы люди почувствовали: какова бы ни была дистанция, все, о чем рассказывается, актуально и сейчас. Ведь рассказы *сэцува* пишутся не для забавы публики, а для укоренения в сердцах людей некоторого мировоззрения, определенной парадигмы мышления. В «буддийских» рассказах «Кондзяку»[1], где назидание более очевидно, до слушателей и читателей нужно донести непреложность действия закона кармы, буддийскую этику (такие-то поступки хороши, такие-то плохи) и неотвратимость воздаяния. К слову, буддийская этика не всегда совпадает с мирской: достаточно вспомнить хотя бы рассказ 19–27 «О том, как монах, живший у реки, спас из воды свою мать, а не сына».

Как-то раз наводнение смыло дома, стоявшие близ реки. В одном из домов жил монах, у него были пожилая мать и сын. Монах очень любил сына и не оставлял его ни на миг. И вот мать и сына монаха смыло потоком. Монах бросился вплавь догонять их и сумел схватить сына. Он уже плыл с ним к берегу, когда увидел, что в волнах тонет его мать. Монах не мог спасти обоих. Он рассудил, что завести другого ребенка он еще сможет, а вот найти себе другую мать — нет. Поэтому монах спас мать. Когда его жена упрекала его, стеная и плача, в том, что он предпочел старуху мальчику, монах ответил, что не может ценить мать меньше только из-за того, что ее оставшаяся жизнь короче. То ли Будду тронула сыновняя почтительность монаха, то ли просто повезло, но мальчику тоже удалось спастись. А монаху потом приснилось, как какой-то весьма почтенный господин похвалил его сыновнюю почтительность.

В «мирских» рассказах, казалось бы, не так четко прописаны нравственные ориентиры. Тем не менее разнообразие тем и сюжетов соотносится с общим замыслом составителей: научить читателей и слушателей видеть единое во многом. Если подходить со стороны трактовки времени, это выражается в

[1] «Буддийскими» считаются рассказы, где речь идет о Законе Будды, главные действующие лица — монахи, фигурируют буддийские святые, будды и бодхисаттвы. «Мирские» рассказы больше ориентированы на ситуации, не связанные с буддизмом напрямую. О том, какие рассказы относятся к «буддийским», а какие — к «мирским», а также общий обзор содержания и жанрового своеобразия «Кондзяку» см.: [Трубникова, Коляда, 2018].

том, что когда бы ни происходили описываемые события, люди в целом устроены одинаково, поступают сходным образом. Глобальное, мировое время влияет на общие рамки повествования — например, во времена жизни Будды мир был лучше, чем в «век конца Закона»[2], — но при этом и при Будде, и спустя много сотен лет люди могут выбирать свой путь, осознавая последствия своих действий, а могут жить «вслепую», от чего и предостерегают составители.

В целом составителям «Кондзяку» важно подчеркнуть: то, о чем рассказывается, вечно, вневременно, настолько же справедливо сейчас, как и в «стародавние времена». И я хочу показать, как подчинено этой цели обращение составителей со временем действия в рассказах.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что события, описываемые в «Кондзяку», в целом выстроены в хронологическом порядке. Это прослеживается на нескольких уровнях.

Во-первых, хронологическая последовательность событий прослеживается на уровне всего сборника. Три большие его части — «Индия» (свитки 1–5), «Китай» (свитки 6–10) и «Наша страна» (свитки 11–31) — соотносятся с разными периодами истории буддизма: с его зарождением и первыми веками существования, с появлением и укоренением в Китае и, наконец, с восприятием и распространением в Японии.

Во-вторых, внутри каждой части свитки тоже в целом выстроены в хронологическом порядке с некоторыми нарушениями. Для индийской части это три свитка о жизни Будды, Индия после Будды (свиток 4) и дополнительная вставка «Индия до Будды» (свиток 5) о совсем уж доисторических временах. Для китайской части это свитки 6-й и 7-й, посвященные истории буддизма в Китае и истории почитания буддийских сутр, вставка о почтительных детях (свиток 9) и свиток 10, называющийся «Китай. Об истории страны» и повествующий о китайцах-мирянах: о государях, мудрецах и после них уже об обычных людях. Наконец, японская часть начинается со свитков о появлении и распространении буддизма (свиток 11), и дальше уже следуют свитки, организованные по тематическому принципу.

В-третьих, на уровне отдельных рассказов тоже возможны различные варианты со временем действия.

Рассказы делятся на те, где есть временна́я привязка, и те, где ее нет. Указанием на время действия может служить отсылка к жизни Будды Шакьямуни. Таковы, в частности, рассказы 4-го свитка. Может быть просто сказано «в стародавние времена ‹…› после ухода Будды в нирвану» (4–1, 4–2, 4–19, 4–28 и др.), «в ту пору, когда Будда уже ушел в нирвану» (4–7) или чуть более точно: «через сто лет после ухода Будды в нирвану», «через четыреста лет после ухода Будды в нирвану» (4–23), «через девятьсот лет после ухода Будды в нирвану» (4–26) и т. п. В других случаях исторической привязкой служит указание на время правления такого-то государя. Часто при этом имя

[2] В буддизме считается, что первые 500 или 1000 лет (в разных сутрах по-разному) после земной жизни Будды Шакьямуни длился «век процветания Закона», потом наступил «век подобия Закона» (который тоже длился 500 или 1000 лет), а следом за ним настал черед последнего «века конца Закона». По расчетам японских буддийских авторов «век конца Закона» начался в 1052 г. В это время нравы и положение людей в мире ухудшаются, будды перестают рождаться, и просветление становится невозможным.

самого государя бывает опущено. То есть на самом деле мы не знаем, когда происходит действие рассказа, но составители стремятся создать впечатление исторической достоверности. Кстати, самый поздний государь, упоминание о временах которого мне удалось найти в тексте, — Горэйдзэй-ин (1045–1068) в рассказе 25–13. В целом кажется, что рассказов, где указания на точное историческое время действия нет, больше, но полный подсчет еще предстоит осуществить. Определенно можно утверждать: количество историй с указанием на время и без него сопоставимо; это говорит о том, что сама по себе привязка к определенному историческому периоду для составителей «Кондзяку» была не так важна.

По наполненности событиями повествование может быть очень насыщенным, когда время как будто сжато и мы еле успеваем уследить за происходящим. В качестве примеров можно привести рассказы 19–8 «О том, как любитель соколиной охоты из Западной столицы увидел сон и вышел из дому», 19–40 «О том, как офицер Тадаакира выжил в схватке с врагами» и 26–3 «О том, как в краю Мино река Инаба вышла из берегов».

В истории о любителе соколиной охоты[3] основные события происходят не наяву, а во сне, который снится главному герою. Однако от этого происходящее не становится менее ярким, а скорее наоборот, потрясает реализмом и драматичностью. Некоему человеку, который настолько любил соколиную охоту, что часто даже ночевал вместе со своими ловчими птицами и перебил видимо-невидимо всяческой живности (и для себя, на охоте, и для того, чтобы прокормить соколов), приснилось, будто он сам — фазан и живет со своей семьей — женой и тремя детьми. Как-то весной, после долгой зимы, они всей семьей вылетели пощипать молодую траву и наслаждались солнцем и едой, и вдруг оказалось, что люди с собаками и соколами как раз выехали на охоту. В рассказе последовательно описывается, как одного за другим загнали и подстрелили детей главного героя и его жену; события идут друг за другом без малейшей паузы, буквально не давая читателям перевести дух. В конце концов гибель почти настигает самого охотника-фазана, и тут он просыпается.

> Не дожидаясь рассвета, он отправился к своим соколам и всем птицам, какие у него были, и перерезал веревки, которыми они были привязаны. Собакам он разрезал ошейники и всех их разогнал. Все снасти, какие имел и для соколов, и для собак, он собрал вместе и сжег. Затем он со слезами на глазах рассказал жене и детям о своем сне, отправился в почтенный горный храм, обрезал там волосы и стал учителем Закона. С тех пор он превратился в святого мудреца, днем и ночью памятовал о будде Амиде и, говорят, лет через десять с лишком самым достойным образом скончался [Бабкова 2022: 184].

Скорость, с которой развивается сюжет рассказа, остается высокой до тех пор, пока не достигается кульминация — ухода героя в монахи. Затем его состояние стабилизируется, начинается благочестивая жизнь с именем Амиды на устах. Теперь действие резко замедляется, и проходит десять с лишком лет, прежде чем герой умирает и рассказ заканчивается.

[3] Перевод этого рассказа см. в [Бабкова 2022].

Во втором рассказе повествуется о том, как в юности офицер Тадаакира повздорил с несколькими молодыми людьми. Ссора разгорелась на деревянной площадке перед храмом Киёмидзу, все выхватили мечи, но Тадаакира был один, и враги окружили его со всех сторон, прижав к краю площадки. Тогда Тадаакира вскочил на одну из бывших там досок и вместе с ней прыгнул в ущелье. Лежа на доске, он спланировал вниз, как большая птица, и приземлился целым и невредимым. Рассказчик отмечает, что это произошло потому, что еще в начале схватки Тадаакира попросил о заступничестве бодхисаттву Каннон. Рассказ примечателен тем, что в нем все происходит практически молниеносно.

Согласно третьему рассказу[4], река Инаба в краю Мино периодически разливалась, так что жители прибрежных селений приспособили чердаки домов для того, чтобы укрываться во время наводнения. Как-то раз река разлилась особенно сильно, много домов смыло, и несколько женщин и детей поплыли по воде на своем чердаке. Казалось бы, события уже развиваются достаточно драматично, но тут женщины развели костер, чтобы приготовить еду, и начался пожар. Один мальчик-подросток прыгнул в воду, чтобы спастись от огня. Теперь ему грозила смерть от воды, и он уцепился за торчавшую из воды ветку. Когда же вода начала спадать, оказалось, что это была единственная ветка на высоком гладком дереве, растущем на краю глубокого ущелья. Только что спасшись от воды, огня и снова от воды, мальчик оказался перед угрозой гибели от падения с большой высоты. История закончилась благополучно: его крики о помощи услышали люди, собрались у дерева и натянули под ним сети. Мальчик прыгнул на них и выжил. Таким образом, он спасся от четырех опасностей подряд.

Во многих других рассказах сборника, напротив, действие растягивается на годы и десятилетия, события следуют одно за другим неспешно и плавно, настраивая читателей и слушателей на созерцательный лад. Кажется, что здесь составители предлагают взгляд на человеческую судьбу с высоты птичьего полета. Это делается для того, чтобы способствовать развитию одного из главных для буддиста качеств — бесстрастия. Таковы, к примеру, рассказы 6–15 «О том, как в Китае Хуэй-цзин из храма Учжэньсы изваял статую Будды Амитофо и возродился в Чистой Земле», 12–2 «О том, как в краю Тотоми Ниу-но Отоками построил пагоду» и 19–5 «О том, как вышел из дому муж барышни Рокуномия».

В первом рассказе Хуэй-цзин из храма Учжэньсы славился как усердный подвижник и талантливый скульптор. Он изваял статуи будд Шакьямуни и Амиды (санскр. Амитабха, кит. Амитофо) и чтил их, мечтая возродиться в Чистой Земле. Однажды Хуэй-цзину во сне явился монах в золотом одеянии и дал ему заглянуть в чудесную чашу. Внутри Хуэй-цзин, будто на ладони, увидел мир Будды. Сам не зная как, Хуэй-цзин оказался внутри. Там он встретил будду и побеседовал с ним. Будда объяснил, что монахом в золотом одеянии был Будда Шакьямуни, чью статую изваял Хуэй-цзин, а сам он — Амида и беседует с Хуэй-цзином в благодарность за то, что тот изваял и его статую тоже. Через некоторое время монах в золотом одеянии снова явился Хуэй-

[4] Перевод рассказа см. в [Бабкова 2019].

цзину во сне и предсказал, что через 12 лет тот возродится в Чистой Земле. Во время кончины Хуэй-цзина в назначенный срок одному монаху, живущему по соседству, приснилось, что Хуэй-цзина окружили будды и бодхисаттвы и проводили в Западный рай. Между двумя сюжетообразующими событиями этой истории — сном Хуэй-цзина и его кончиной — прошло целых 12 лет, и читателям предлагается обозреть часть жизни Хуэй-цзина со значительной дистанции, как будто с точки зрения просветленных, обладающих мудростью будд существ.

В следующем рассказе житель края Тотоми по имени Ниу-но Отоками дал обет построить пагоду, но много лет не мог его исполнить. В пору правления государя Сёму (724–749 гг.), когда Отоками и его жене было уже за шестьдесят, у них родилась дочь. Ладонь девочки была зажата в кулак, который не разжимался, и родители стыдились, считая, что причина этого уродства — в том, что дитя родилось у них в слишком преклонном возрасте. Через семь лет кулачок разжался, и оказалось, что в ладони девочка сжимает *шарира* — частицы останков Будды. Об этом узнали жители края и сам наместник, они сообща построили пагоду и поместили там *шарира*. А потом девочка умерла. Некий знающий человек сказал старику и старухе, чтобы они не печалились, поскольку их дочь была воплощением кого-то из будд и явилась в наш мир затем, чтобы помочь исполнить обет отца. Как и в предыдущем рассказе, здесь в жизни персонажей происходит событие — рождение девочки с зажатым кулачком, — создающее завязку истории. Второе событие произошло спустя много лет: была построена пагода. Смерть девочки, дополняющая развязку истории, следует за постройкой пагоды, но драматического нагнетания последовательности событий здесь нет.

Действие рассказа о муже барышни Рокуномия растягивается почти на девять лет. У одного знатного господина, который жил в усадьбе Рокуномия, была десятилетняя дочь. Девочка была красива, воспитанна, и ее легко можно было бы выдать замуж за самого благородного человека. Но поскольку ее отец придерживался строгих нравов и вел замкнутый образ жизни, а также был ограничен в средствах, женихи не знали о ней и никто к ней не сватался. Один за другим родители умерли. Дни и месяцы траура прошли, небольшое наследство мало-помалу оказалось истраченным, и девушка осталась почти без средств к существованию. Тогда кормилица нашла ей жениха, и хотя девушка предпочитала не вступать в брак и продолжать оплакивать родителей, делать было нечего, она вышла замуж. Однако отец молодого человека, знатный и богатый господин, ничего не знал о браке сына. Через какое-то время отца назначили наместником в край Муцу, и сыну пришлось последовать за ним. Будучи не в силах признаться отцу в том, что он женился без его ведома, молодой человек с грустью оставил супругу. Он хотел писать ей письма, но не было никакой оказии, чтобы их передать, и дни и месяцы проходили в тоске и печали. Вдобавок отец молодого человека нашел для сына подходящую, по его мнению, невесту в краю Хитати. Тому пришлось покориться воле отца, жениться и после пяти лет в краю Муцу провести еще три или четыре года в краю Хитати. Получилось, что супруги были разлучены друг с другом около восьми лет без всякой связи. Однажды герой отправил в столицу письмо, но его посланник не нашел нужный адрес. На другой раз гонец просто не вернул-

ся и, соответственно, не привез ответ. В конце концов срок службы тестя героя подошел к концу, и он вместе с семьей вернулся в столицу. После долгой дороги муж наконец прибыл в город и сразу же отправился в усадьбу Рокуномия искать свою первую жену. Когда он подошел к дому, выяснилось, что там, где раньше жила его жена, все окончательно обветшало, в доме никого нет, и он с трудом обнаружил в саду какую-то монахиню. Герой узнал в ней одну из служанок его жены и начал ее расспрашивать. Монахиня же узнала его не сразу, но, узнав, рассказала о тех горестях, которые жене пришлось пережить за годы его отсутствия, и в конце концов сказала, что ей самой приходилось уезжать, что она только недавно вернулась и тоже не знает, где теперь хозяйка дома. Герой совершенно потерял голову от охвативших его чувств, ему казалось, что он должен во что бы то ни стало найти возлюбленную. Он надел соломенные сандалии и шляпу и, выдавая себя за паломника, отправился по всем окрестным храмам. Жены его нигде не было, а потом он случайно встретил ее, когда искал укрытие от дождя. Узнав жену, муж заключил ее в объятия, но она от потрясения скончалась прямо у него на руках. После этого герой не вернулся домой, а отправился на гору Атаго и принял монашеский постриг. Остаток жизни он посвятил подвижничеству.

Иногда уместно говорить о временны́х промежутках между событиями не внутри одного рассказа, а в рамках целого свитка или даже нескольких. В индийской части «Кондзяку» так устроены первые три свитка, повествующие о жизни Будды. От того момента, когда бодхисаттва Шакья принял решение родиться в мире людей (1–1), до того как цари-почитатели разделили между собой останки Будды после его ухода в нирвану (3–35, заключительный рассказ 3-го свитка), проходит 80 лет, срок земной жизни Будды Шакьямуни. Время в рассказах течет по-сказочному, для повествователя важны не точные даты, а последовательное изложение эпизодов, связанных с подвижничеством Будды. Первые 17 лет жизни царевича Сиддхартхи остаются за рамками повествования. От его рождения (1–2) составители переходят сразу к женитьбе (1–3), а потом к решению уйти из дому, которое он принял, согласно «Кондзяку», в 19 лет. В традиционной версии жизнеописания Шакьямуни тот покинул царский дворец, когда ему исполнилось 30; в «Кондзяку» рассказчик говорит, что 19-летний Будда сообщил отцу о своем намерении, но внял его слезным мольбам и вернулся к себе во дворец. Получается, что еще 11 лет прошло, прежде чем наступили следующие события, описанные в «Кондзяку», — уход Будды из дому, его пробуждение и первые проповеди. Зато в период перед нирваной Будды и сразу после нее события следуют одно за другим практически без перерывов: последние проповеди, напутствия родным и ученикам, нирвана, помещение тела Будды в гроб, посмертная встреча Будды с матерью и другие эпизоды формируют очень плотную ткань повествования.

В китайской части «Кондзяку» исторических привязок не так уж много, несмотря на то что описывается, когда и как зародился тот или иной обряд. Рассказы 6-го и 7-го свитков отсылают как к первым векам появления буддизма в Китае (правления Цинь Шихуанди (6–1), Мин-ди (6–2), У-ди из династии Лян, к которому пришел Бодхидхарма (6–3) и др.), так и к более поздним временам, по большей части к династии Тан. Свиток 10-й, «История Китая», как и 6-й,

начинается с последовательного изложения событий, но постепенно рассказы становятся все более разрозненными, повествуя о разных происшествиях, никак не связанных между собой. Пожалуй, более «историчен» 11-й свиток «Кондзяку», он же первый в японской части[5]. Его открывает один из самых длинных рассказов сборника, о царевиче Сё:току (574–622). Затем следуют истории о знаменитых монахах — буддийских подвижниках и основателях школ, в основном живших в VIII–IX вв., и истории о том, как появлялись крупнейшие японские буддийские храмы. Хотя строгой хронологической последовательности здесь нет, рассказы образуют композиционное единство, создавая картину постепенного распространения буддизма на территории Японских островов. Темп повествования здесь умеренный; составители «Кондзяку» показывают читателям, что всему свое время и все идет своим чередом: подобно тому как неторопливо сменяют друг друга проходящие годы, так постепенно, но неуклонно укореняется в сердцах людей Закон Будды.

Следующий параметр, по которому различаются между собой рассказы «Кондзяку», — это временной охват повествования внутри отдельных историй. Рассказы делятся на те, где речь идет: 1) об отдельном эпизоде внутри жизни персонажа; 2) о событиях, происходивших на протяжении всей жизни персонажа; 3) о событиях в жизнях нескольких поколений героев.

Примеров рассказов из первой группы, где речь идет об эпизоде внутри жизни персонажа, множество. Таков, в частности, рассказ 19–24 «О том, как вместо учителя в список для бога горы Тайшань внесли другого человека». Согласно этому рассказу, один именитый учитель Закона серьезно заболел. Лечить его призвали Абэ-но Сэймэя (921–1005, кудесника, знатока пути Темного и Светлого начал), и тот сказал, что вылечить учителя не может даже бог горы Тайшань. Есть лишь один способ: записать в списки умирающих другого человека вместо учителя. Никто из учеников не хотел пожертвовать своей жизнью, но вдруг подал голос один бедный старый монах, который обычно ютился в углу храма и на него никто не обращал внимания. Монах сказал: «Я уже стар и все равно скоро умру, поэтому готов отправиться на тот свет вместо учителя». Тогда Абэ-но Сэймэй провел обряд, учитель пошел на поправку, а старый монах отправился в приготовленную для него комнату и сел там, ожидая смерти и памятуя о будде Амиде. Всю ночь монахи слышали его голос, славящий Амиду, а наутро учитель выздоровел. Тут же пришел Абэ-но Сэймэй и сказал, что монах, пожертвовавший собой, тоже жив и продлил себе жизнь[6]. Все очень обрадовались, а учитель с тех пор обращался со старым монахом так же почтительно, как со своими самыми благородными учениками.

О событиях, происходивших на протяжении всей жизни персонажа, можно прочесть, во-первых, в рассказах-жизнеописаниях, где речь идет о тех, кто сыграл важную роль в распространении буддизма в Японии (таков, к примеру, рассказ 11–1, посвященный царевичу Сётоку). Во-вторых, рассказы могут охватывать почти всю жизнь персонажа, начиная с какого-то события, произошедшего в детстве или юности главного героя, вплоть до его смерти. Таков

[5] Об этом свитке см.: [Трубникова, Бабкова, 2020].

[6] Другая версия этой истории обсуждается в статье Н. Н. Трубниковой в настоящем выпуске журнала.

рассказ 19–23 «О том, как ученик Какуэна, учителя устава из храма Ханнядзи, исполнил его последний наказ»[7].

Прославленный учитель Какуэн заболел, да так серьезно, что скоро стало понятно: он находится на грани жизни и смерти. Ученики и прихожане храма Ханнядзи молились о его выздоровлении, а он начал отдавать распоряжения на случай своей кончины. Какуэн устроил все дела, только не назначил себе преемника. Все думали, что им станет старший монах. А помимо прочих, у Какуэна был ученик Коэн, который почти не посещал учителя, а проводил все время в подвижничестве в горах. Он был чудаковат, и все его чурались. Во время болезни учителя он опять был в горах, но чудесный голос сказал ему, что учитель болен, и ученик поспешил вернуться в храм. За день до кончины Какуэн позвал Коэна и сказал ему, что храм придет в упадок, ученики разбегутся, а имущество будет разворовано. Ни один из прочих учеников Какуэна, по его мнению, не сможет оставаться в стенах храма, только Коэн в состоянии выдержать голод, холод и прочие лишения. Какуэн наказал Коэну оставаться в храме до тех пор, пока будет цела хоть одна щепка от роскошных храмовых построек. Впоследствии все случилось так, как предсказал Какуэн. В рассказе описывается, как Коэн исполнил наказ учителя и прожил много десятков лет в уже заброшенном и постепенно ветшавшем храме.

О событиях в жизнях нескольких поколений героев говорится, в частности, в рассказах 26–12 «О том, как Потомок Фукэси из края Ното получил пояс» и 6–5 «О том, как Кумараяна украл статую Будды и отправился с ней в Китай».

В рассказе 26–12 Потомку Фукэси из края Ното было явлено дурное предзнаменование, которое местный гадатель истолковал как предрекающее гибель. Пытаясь спастись от судьбы, Потомок Фукэси долго не мог решить, куда ему деваться, и в конце концов отправился на взморье. Вдруг на горизонте поднялась огромная волна и с большой скоростью помчалась к берегу. Потомок Фукэси сначала заметался, но потом решил, что чему быть, того не миновать, сел на песок, скрестив ноги, и принялся молиться. Волна, однако, схлынула, не причинив герою никакого вреда, и оставила на берегу драгоценный ларец. Герой и его слуга открыли ларец и обнаружили в нем чудесный пояс. Они решили, что это дар высших сил, и раз так, можно возвращаться домой и больше ничего не бояться. Пояс же оказался волшебным. С тех пор, как он появился у Потомка Фукэси, тот стал богатеть и благоденствовать. Односельчане зауважали героя. Спустя много лет он одряхлел и умер, но его удачливость вместе с поясом перешла к его сыну. Молва о чудесном поясе пошла далеко и добралась до наместника края Ното. Тот стал завидовать сыну Потомка Фукэси и думать, как бы отобрать чудесный пояс. С этой целью наместник неожиданно нагрянул в дом сына Потомка Фукэси со всей своей свитой и долго гостил у него, ожидая, пока тот наконец поиздержится и сам предложит пояс ему в подарок. Сын Потомка Фукэси, однако, выбрал иной путь: он просто сбежал из дома, взяв с собой только пояс. Много лет он скитался, состарился в странствиях, а все же нужды не знал, ведь с ним был чудесный пояс. В конце

[7] Отмечу, что рассказы, где в жизни персонажа происходит определенное событие, затем мы ничего не знаем о его дальнейшей судьбе, а потом рассказчик сообщает, что герой умер, входят в первую группу, а не во вторую.

концов сын Потомка Фукэси решил вернуться в родные края. Наместник к тому времени уже не один раз сменился, и тот, что был теперь, отнесся к сыну Потомка Фукэси очень благосклонно, позволил ему вернуться в родительский дом и одарил. В благодарность сын Потомка Фукэси передал наместнику пояс.

В рассказе о Кумараяне действие тоже затрагивает два поколения героев. Давным-давно, когда Будда Шакьямуни отправился на небеса к матери, царь Удаяна очень скучал по нему и повелел вырезать его статую. Когда же Будда вернулся, статуя склонилась перед ним вместе со всеми остальными встречающими, и все дивились. Кумараяна тоже видел статую и подумал, что в Индии Будду и так чтут, а в отдаленном Китае до сих пор никто не знает о Законе. Кумараяна решил украсть статую, отвезти ее в Китай и распространить там учение Будды. Так он и сделал. Он боялся погони, поэтому бежал вперед и вперед, невзирая на усталость и опасности. Из сострадания статуя Будды по ночам несла его сама, тогда как днем Кумараяна нес статую. Наконец он добрался до страны, которая находилась на полпути из Индии в Китай, и решил немного отдохнуть. Он рассказал правителю той страны о своем замысле. Правитель глубоко проникся святостью Кумараяны, но подумал, что тот слишком слаб и стар, чтобы выдержать путешествие в Китай, и уговорил Кумараяну взять в жены его дочь, принцессу, чтобы та родила Кумараяне сына и тот смог бы выполнить замысел отца. Так родился Кумараджива (344 / 350–409), знаменитый переводчик буддийских текстов на китайский язык. Кумараджива отвез статую Будды в Китай, перевел огромное количество сутр и прославился многими другими делами.

Отдельного упоминания заслуживают рассказы, где события, между которыми есть определенные временны́е промежутки, связаны между собой причинно-следственной связью. Сначала герой совершает некоторое действие, а затем либо немедленно, либо позже в течение жизни, либо в течение последующих жизней он пожинает плоды этого действия. В зависимости от того, дурное или доброе деяние было совершено, героя ожидает кара или награда. Собственно, три вида воздаяния, различающиеся по времени его получения, выделяли как раз японские буддийские проповедники и считали их все в равной степени важными. Ранний сборник *сэцува* «Нихон рё:ики» полностью посвящен прижизненному воздаянию, а в «Кондзяку» есть целый свиток (26-й), в котором речь идет о влиянии дел, совершенных в прежних жизнях, на судьбу героев. Составители стремятся показать, что события происходят не случайно: если причину происходящего не получается найти в обозримом прошлом, значит, она кроется в одном из предыдущих перерождений[8]. В этом смысле рассказы о воздаянии являются программными для «Кондзяку»: они показывают, что во всех историях, вошедших в сборник, так или иначе описывается действие закона воздаяния.

Интересно распределение событий в рассказах «Кондзяку» по времени суток. Случаев употребления иероглифа «утро» (朝, *тё:* / *аса*) в них 472; иероглифа «день» (昼, *тю:* / *хиру*) — 145, а иероглиф «ночь», или «поздний вечер» (夜, *я* / *ёру*) встречается 1141 раз. Мори Масато, анализируя 27-й свиток («Призраки и духи»), пишет, что в рассказах этого свитка нечисть активна именно

[8] Анализ 26-го свитка и перевод избранных рассказов на русский язык см. в [Бабкова 2019].

в темное время суток. День — время, когда реальностью управляют люди, а ночь — время, когда выходят духи [Mori 1982]. Кроме того, ночь — время, когда героям снятся сны, а сны в «Кондзяку» задают нормативную реальность: в них тайное становится явным, а дела и вещи занимают свои истинные места в структуре мироздания. Помимо этого, в сборнике встречается также иероглиф «рассвет» (暁, *тё:/акацуки*, *акатоки*, 89 раз), и чаще всего именно на рассвете герои принимают судьбоносные решения. Так, в рассказах 19-го свитка именно на рассвете персонажи уходят из дома в монастырь или из монастыря в отшельническую хижину в горах, предаваясь еще более суровой аскезе. На время суток в рассказах указывают традиционные дальневосточные обозначения, такие как «час Змеи» (с 9 до 11 часов), «час Лошади» (с 11 до 13), «час Петуха» (с 17 до 19) и др.

Из времен года по числу упоминаний в рассказах «Кондзяку» лидирует весна — 105 раз. Зима упоминается 32 раза; лето — 47 раз; осень — 45 раз. Точно так же, как и утром, весной часто начинается новая жизнь персонажа, герои обращаются к Пути Будды, обретают готовность вступить на этот путь.

Время в «Кондзяку» «проходит» (経, *эру*, также 過ぎる, *сугиру*), или персонажи его «проводят» (送る, *окуру*). В сборнике фигурируют самые разные промежутки времени. Иногда речь идет о каком-то количестве дней, месяцев или месяцев и дней. Например, в рассказе 26–7 в краю Мимасака одну девушку должны были принести в жертву местному божеству; дни и месяцы приближали срок празднества в честь этого божества и, соответственно, жертвоприношения, девушка и ее родители проводили время в горе и слезах. Потом появился охотник, который предложил родителям девушки отдать ее ему в жены и обещал спасти ее от страшной участи. Родители согласились, «время шло», и охотник все больше любил свою жену. В конце концов день торжества наступил, охотник победил бога, оказавшегося большой обезьяной, и жил со своей женой и ее родителями счастливо до самой смерти.

Часто проходит сколько-то лет или «лет и месяцев». В рассказе 9–6 «О том, как Чжан Фу глядела на веер покойной матери и горевала о ней» постоянство чувств девушки, на протяжении долгих лет горюющей об отсутствии у нее матери, представлено как идеал, к которому нужно стремиться. Мать Чжан Фу умерла, когда девочке был всего год, и та выросла, не помня ее. В десять лет Чжан Фу спросила домашних, где ее мать, ей рассказали о ее смерти, и Чжан Фу, заливаясь слезами, спросила, не оставила ли мать что-нибудь для нее. Ей передали расписной веер, который мать велела отдать Чжан Фу, когда та подрастет. С тех пор Чжан Фу каждый день доставала веер, глядела на него, горевала о матери, а потом его убирала.

> Чжан Фу не видела лица своей матери, не помнила ее милости и без того поняла, как мать любила ее, и вот как глубоко тосковала о ней. Видишь лицо человека, слышишь его голос, но проходят годы и месяцы — все забываешь, так уж повелось[9].

Если современные ученые говорят о терапевтической функции механизма забывания в человеческой психике, то в этом рассказе героиня «не забывала».

[9] Здесь и ниже цитаты из рассказа даны в переводе Н. Н. Трубниковой.

Другой вопрос, что, возможно, она не забывала не саму мать, которую никогда не знала, а свое чувство обделенности. Дальше в рассказе говорится:

> А Чжан Фу всякий раз глядела на веер, не забывала, всю жизнь тосковала и горевала. Все, кто слышал о том, хвалили и жалели Чжан Фу.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, как составители «Кондзяку» воспринимали бег времени и череду событий, происходящих во времени. Согласно их представлениям, каждый человек решает для себя сам, как ему относиться к нескончаемому потоку событий, помнить ли ему о прошлом (будь то «стародавние времена» или нечто, произошедшее только что) или забывать. Точно так же каждый человек решает для себя, как относиться к воспринимаемому чувствами миру. Но позиция осознанности, когда герой противопоставляет иллюзорному восприятию реальности истинные связи между людьми, причинами и следствиями, с точки зрения составителей «Кондзяку», как минимум, достойна уважения и восхищения.

Источники

Кондзяку б. д. — Собрание стародавних повестей / [Пер. Н. Н. Трубниковой, М. В. Бабковой, М. С. Коляды под ред. А. Н. Мещерякова] // Япония: история религий, культуры, философских учений: Сайт Надежды Николаевны Трубниковой. [Б. д.]. URL: https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1.

Литература

Бабкова 2019 — *Бабкова М. В*. О понятии «воздаяние» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей» // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 86–97.

Бабкова 2022 — *Бабкова М. В*. Явь, сны и иллюзии в 19-м свитке «Собрания стародавних повестей» // История и культура Японии. Вып. 14 / Под науч. ред. Н. Н. Трубниковой; сост. и отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 173–186.

Мещеряков 1995 — *Мещеряков А. Н*. Предисловие // Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах: Свитки 1-й, 2-й и 3-й / Пер. со старояп., предисл. и коммент. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион; Рейтар, 1995. С. 5–30.

Трубникова, Бабкова 2018 — *Трубникова Н. Н., Бабкова М. В*. «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности // Ежегодник Япония. Т. 47. 2018. С. 162–202.

Трубникова, Бабкова 2020 — *Трубникова Н. Н., Бабкова М. В*. История японского буддизма в «Собрании стародавних повестей». Часть I: основатели школ и строители храмов // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 137–155.

Трубникова, Коляда 2018 — *Трубникова Н. Н., Коляда М. С*. «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (45). С. 35–45.

Mori 1982 — *Mori Masato*. “Konjaku Monogatari-shū”: Supernatural creatures and order // Japanese Journal of Religious Studies. Vol. 9. No. 2/3. 1982. P. 147–170.

References

Babkova, M. V. (2019). O poniatii “vozdaianie” v 26-m svitke “Sobraniia starodavnikh povestei” [The meaning of the notion *hō* in the 26th volume of *Konjaku Monogatari Shū*]. *Voprosy filosofii, 2019*(3), 86–97. (In Russian).

Babkova, M. V. (2022). Iav’, sny i illiuzii v 19-m svitke “Sobraniia starodavnikh povestei” [Reality, illusions and dreams in the 19th scroll of *Konjaku monogatari shū*]. In N. N. Trubnikova, & A. N. Meshcheriakov (Eds.). *Istoriia i kul’tura Iaponii* (Vol. 4, pp. 173–186). Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).

Meshcheriakov, A. N. (2005). Predislovie [Introduction]. In A. N. Meshcheriakov (Trans., Preface, and Notes). *Nikhon re:iki. Iaponskie legendy o chudesakh: Svitki 1-i, 2-i i 3-i* (pp. 5–30). Giperion; Reitar. (In Russian).

Mori, Masato (1982). “Konjaku Monogatari-shū”: Supernatural creatures and order. *Japanese Journal of Religious Studies, 9*(2/3), 147–170.

Trubnikova, N. N., & Babkova, M. V. (2018). “Sobranie starodavnikh povestei” v ocherkakh issledovatelei: osnovnye voprosy i trudnosti [The main questions and problems in the studies of *Konjaku Monogatari-shū* as seen by the scholars]. *Ezhegodnik Iaponiia, 47*. 162–202. (In Russian).

Trubnikova, N. N., & Babkova, M. V. (2020). Istoriia iaponskogo buddizma v “Sobranii starodavnikh povestei”. Chast’ I: osnovateli shkol i stroiteli khramov [The history of Japanese Buddhism in *Konjaku monogatari-shū*. Part 1: School founders and temple builders]. *Voprosy filosofii, 2020*(1), 137–155. (In Russian).

Trubnikova, N. N., & Kolyada, M. S. (2018). “Sobranie starodavnikh povestei” v traditsii iaponskikh pouchitel’nykh rasskazov [*Konjaku monogatari shū* in the Japanese didactic tale tradition]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal’nem Vostoke, 2018*(3, no. 45), 35–45. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Майя Владимировна Бабкова
кандидат философских наук
научный сотрудник, Центр японских исследований, Институт востоковедения РАН
Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
Тел.: +7 (495) 625-64-61
старший научный сотрудник, Лаборатория востоковедения и компаративистики, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
*Россия, 119571,